

КАК Я ПРОВЕЛ ЛЕТО

Лето у меня выдалось длинное. Известно, что «наше северное лето — карикатура южных зим...» Мне удалось его продлить путешествиями по стране. Театр, где я работаю, отправился в зарубежные гастроли, а я, не занятый в спектаклях, был предоставлен самому себе и, воспользовавшись этим обстоятельством, путешествовал. Отдых совмещал с работой: концерты, съемки, кинофестивали в Грузии... Главный результат этих двух месяцев — впечатления. Вот о них-то и пойдет речь.

МЫ, ОСОБЕННО с возрастом, подчас инертны и ограничиваемся тем, что плывет в руки само: «Театральные встречи», «Вечер поэзии в Останкино», «Кинопанорама» и «Клуб кинопутешествий» заменяют нам театр, поэзию, кино и сами путешествия. Потом мы жалуемся на скуку, судим по чужому мнению о непрочитанной книге. Словом, сами себя обедняем, обычно оправдываясь ссылками на нехватку времени, не вполне отдавая себе отчет в том, что живые впечатления — топливо, без которого сама наша работа станет пробуковывать. Сколько я знаю актеров, не ведающих, как играть в соседнем театре; режиссеров, не проявляющих ни малейшего интереса к творчеству коллег; чтецов, ограничивающихся знанием текста, который они выучили наизусть... Я не из их числа, хотя тоже грешен. Нет, следует себя подстегнуть: не ленись, не ссылайся на усталость, выйди из дома, сядь в поезд, сдвинься с места!

АВГУСТ. Маленький городок Пярну в Эстонии. Поэтический вечер живущего почти постоянно здесь поэта военного поколения Д. Самойлова.

Вечер проходит в городской библиотеке. Самойлов читает недавно написанные стихи. «Беатриче» — так называется новая, еще не изданная книга. Сегодня, так сказать, премьера. Не попавшие в зал, где от силы сто

мест, стоят под окнами (благо открыты) и пытаются хоть что-то услышать. Людям нужна поэзия, необходимо живое слово поэта. Отрадно! Не все еще съела так называемая «поп-культура», все эти «виа» с необязательной подрифмовкой и подтекстовкой вместо текста.

Поэт старшего поколения читает стихи о любви и творчестве, о жизни и смерти, о душе, о высоких и низменных страстях. Стихи не простые для восприятия, не эффектные эстрадные вирши, они требуют от слушателей эрудиции: здесь и Данте, и Петрарка, и Лаура, и Дон Кихот, а главное — мир самого поэта, сложный мир пожилого человека, борения души.

Иногда меня спрашивают, у кого я учился читать стихи. Прежде всего у самих поэтов. Мне везло: я слышал Пастернака и Ахматову, Заболоцкого и Смелякова, Тарковского и Межирова, Чуковцева и Левитанского. Актер, чтец должен всю жизнь учиться читать стихи. Учитель хватает: музыка — сольный концерт пианиста или альтиста — это тоже школа для чтеца, записи Яхонтова или Астангова, концерты Д. Н. Журавлева или твоих сверстников. Но ничто не приносит такой пользы, как авторское чтение, разумеется, если ты ценишь стихи поэта. Я еще раз убедился в этом, побывав на вечере Д. Самойлова.

Это не значит, что потом, когда я буду читать «Беатриче» сам, я стану копировать самойловское чтение. Ни в коем случае! Рассветятся иные акценты, допроявятся невыявленное при авторском исполнении: словом, предстоит большая и разнообразная работа перед тем, как «Беатриче» появится в моей афише. Но впечатления от пярнуских чтений наверняка принесут плоды.

КАК ХОРОШО, однако, знать то, о чем читаешь; увидеть воочию предмет или место. Болдино. Сколько я читал о нем, сколько знал об этом сельце, где 155 лет назад произошло Чудо. Болдинская осень! Сотни томов, тысячи исследований и докладов о трех посещениях Пушкиным Болдина. Только в моей скромной биографии артиста по крайней мере полтора десятка работ, связанных с пушкинским Парнасом, а вот поди ж ты: увидел Болдино своими глазами лишь на пятидесятом году жизни! Ясное дело — до Михайловского проще добраться, от Искова уже рукой подать. Все наша лень проклятая и нелюбопытство! Истинно говорят: лучше раз увидеть, чем сто раз услышать... Даже сердце забилось, когда на автобусе, следующем из города Саранска, подъезжал к пушкинскому заповеднику. Здесь все много скромнее, чем в Михайловском, даже с перебором.

За крашеным корячьим забором — дом-музей. Перед домом — бронзовая скульптура сидящего на скамейке Пушкина. Позади дома — парк бывшей усадьбы...

Здесь, именно здесь слагались «Моцарт и Сальери», VIII глава «Онегина», «Выстрел» и «Барышня-крестьянка»...

Бродишь по дому, по парку, около всех этих прудов, покрытых рыской, спускаешься в овраг и невольно думаешь: вот когда-то был здесь Он, а кругом холера, карантин... Тосковал, рвался в Москву и творил Чудо на века.

В Болдинском музее шли традиционные чтения, звучали доклады приехавших ученых. Много докладов на самые разные темы: тут и «Восточные мотивы в стихах Пушкина Болдинской осенью», и доклад о генеральном пла-

не развития музея-заповедника в Болдине...

Последний доклад очень-очень кстати. Литературная Мекка, а жить приезжающим сюда негде: один Дом колхозника, и тот не в лучшем виде. Да что там Дом колхозника! Парк убирать и поддерживать в нем порядок — проблема! Три старушки уборщицы. Забот по содержанию, а тем более по «развитию» не впрок! Об этом же мне рассказали всерьез озабоченные товарищи из райкомов партии и комсомола. Нужна серьезная, я хочу это подчеркнуть, серьезная помощь и поддержка Москвы. Удалось же нам всеобщими стараниями Михайловское превратить в место, достойное пушкинской памяти! Общие старания — и наши актерские усилия. Какой из актеров-чтецов откажется дать концерт, несколько концертов в фонд развития пушкинского музея-заповедника? К делу должны подключиться писатели и поэты. «Центр» — это мы с вами, друзья и коллеги, наша общественная совесть и готовность под эгидой Министерства культуры объединить усилия.

Сюда могли быть проложены постоянные туристские маршруты, и здесь мог бы проходить не периферийный, как теперь, а истинно пушкинский праздник, литературные и музыкальные пушкинские фестивали, выставки и прочее. Нужна материальная помощь и общие наши старания. Следует потрудиться, дело и место того стоят. И хотя перед домом-музеем сидит, вытянув ноги, в странной позе бронзовый Александр Сергеевич (до аникушинского далеко!), напоминающий багетного артиста в роли Пушкина (ощущение, что на нем кудрявый бронзовый парик) — этим ограничиваться не стоит. Может, памятник уже и не заменить (хотя по-

чему бы и нет? Болдино как-никак!), но обо всем другом позаботиться необходимо.

ЗАШЛА РЕЧЬ о скульптуре, и не могу не рассказать о потрясении, которое испытал неподалеку от Болдина (два с лишним часа езды). От работ великого Эрзы в городском музее Саранска. Выросло целое поколение, которое практически мало что знает об Эрзы, а если и знает, то не видело его удивительных творений. А где можно увидеть? В Русском музее в Ленинграде, так же, как и в столичной Третьяковке, выставлена только малая толика. В Саранске же отличный музей. Большой, прекрасный зал отведен для произведений Степана Дмитриевича Эрзы (Нефедова). Он взял себе в качестве псевдонима название своего народа, маленького мордовского племени, и сделал его известным.

В центре зала — библейский Моисей, огромная голова из аргентинского дерева альгаррабо (дерево альгаррабо, а также дерево кебрачо не тонут в воде, не горят в огне — таков мощный материал, избранный скульптором, обладающий при этом необыкновенно теплой, живой фактурой). Двести работ из альгаррабо, кебрачо в 1950 году привез Эрзы из Аргентины, где трудился в поте лица двадцать три года, и безвозмездно передал своему народу. И каких работ! Скажем, за голову Моисея Эрзы предлагали за границей миллион долларов. Великий скульптор отказался продать эту скульптуру так же, как и многие другие.

Прекрасный музей в Саранске, нашлось место выставить пусть не все (часть все-таки даже там в запасниках), но большинство работ Степана Дмитриевича Нефедова. Однако от Москвы до Саранска ночь езды, и далеко не

все москвичи, любители искусства, смогут увидеть эту сокровищницу шедевров. Жаль. Я-то, проведя в Саранске часть моего лета, имел возможность не раз пойти на свидание с Эрзой. Но когда что-то производит столь сильное впечатление, естественно, хочется, чтобы и другие это увидели. И не одну-две работы в столичном музее, а много и вместе — вот так, как по-счастливилось увидеть мне. Есть два выхода: поехать в Саранск или привезти работы Эрзы в Москву. Думаю, что второй выход оправданнее. Первый — реальнее.

ХОРОШО, однако, путешествовать! Воистину, удивительное рядом. Ну, пусть и не совсем рядом.

Сванетия. Занесло меня летом и туда. Сванское пение, сказочная красота сванских гор, красавица Ушба, старые сванские башни, музей в горной Местии, где старинные иконы и чеканка.

В одной из башен — музей альпинизма. Музей Михаила Хергиани, знаменитого «тигра скал», трагически погибшего при восхождении на вершину в Италии. Внутри каменной сванской башни на каменной же стене — альпинистское снаряжение Михаила Хергиани. Альпинистская веревка красного цвета, перебитая тем самым роковым намнем в Италии. Желтые, лохматые ее концы. Стена подвешена тонким лучом. Свет в башне гасится, и высвечивается только веревка. Звучит сванский плач, записанный на похоронах Михаила Хергиани в родной Грузии...

Строительство альпинистского музея продолжается. С пониманием, со знанием, с трудолюбием и любовью. Как надо, как должно. И ты, сделав нелегкий путь (шесть часов автобусом) в горную Местию — путь проходивший через Ингурскую ГЭС, — благодарен людям, хранящим па-

мять о других людях и вкладывающим свой труд и умение, чтобы память длилась.

ИСТИННАЯ любовь к Родине, месту, где живешь, к своему прошлому предполагает деятельность. Декларации бесполезны — необходимы дела.

За шесть лет, что я не видел Тбилиси, многое изменилось. Сердце радуется, когда видишь реконструкцию древнего города. Дело делается со вкусом, умом, любовью.

На горе Давида в старом пантеоне среди могил Грибоедова, Важи Пшавела, Галактиона Табидзе — могила поэта Симона Чиковани. Ему — стихотворение русского поэта старшего поколения Арсения Тарковского «Ласточки» в книге «Зимний день».

Кстати, упомянутый в стихотворении, которое очень люблю и читаю с эстрады, храм Баграта 1053 года постройки я наконец тоже увидел своими глазами. Он стоит в Кутаиси. Древний город готовится к юбилею. Оттого в древний храм я прошел не по «щербно и траве», а по деревянной стрижке и каменной крошке, и был он весь в лесах. Восстанавливают.

Повторяю, хорошо, когда любовь деятельна.

Так случилось именно в Грузии: на кинофестивале «Дружба» я увидел новую кинокартину ленинградца Алексея Германа «Проверка на дорогах». Это была премьера. «Зимнюю» картину в теплый южный день смотрели рабочие одного из заводов Грузии. Я волновался, как будто сам снимал фильм. Картина о войне, трагическая картина, непростая... Мои волнения оказались напрасны. Из переполненного зала не ушел ни один человек! Фильм был воспринят на едином дыхании. Я вместе со зрителями восхищался игрой Владислава Заманского, Ролана Быкова, Олега Борисова, Анато-

лия Соловьицына. Настоящее искусство говорит само за себя. Вот и еще одно сильное впечатление моего лета.

Эстония, Россия, Грузия. Некороткие маршруты. Все же я успевал читать. И здесь меня поджидали радости. Две недавно вышедшие книги произвели на меня в это лето сильнейшее впечатление: роман Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом» и книга о литературе Ст. Рассадина «Спутники» — о Дельвиге, Языкове, Давыдове, Бенедиктове, Вяземском. Я не могу в моем «школьном сочинении» их рецензировать, но порадоваться за тех, кому еще только предстоит прочесть книги Окуджавы и Рассадина, мне хочется...

Нет, товарищи, не скучно жить на этом свете! Природа, люди, их дела. Гигантское строительство в горах Ингурской ГЭС и известный всему Союзу экономический эксперимент, проводимый в промышленном портовом городе Потти, фильм ленинградского режиссера и книги московских писателей, вечер поэзии и концерт органной музыки в Пярну. Летом я мало отвлекался на телевизор, смотрел, когда удавалось, только программу «Время». Даже о результатах матча Карпов — Каспаров узнавал наутро из газет.

Москва завершила мое лето сильным театральным впечатлением. «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого в Театре им. Маяковского, поставленные Петром Фоменко. Я давно так не смеялся в театре! В буквальном смысле слова вытирал слезы смеха и радости, которые вызвал талантливый, умный, замечательно сыгранный моими товарищами по профессии спектакль. Я не стану называть их фамилий и опять-таки не берусь этот спектакль рецензировать, хочу лишь отметить, как приятно, когда под самым носом, на соседней улице тебя ждет радость. Следует только не полениться и выйти из дома.

Михаил КОЗАКОВ,
народный артист РСФСР.